

3. Превращение политической философии и идеологии в основу морали

Моральный коллапс, породивший КМС, был следствием именно слабости религиозных институтов и ценностей. Когда было утрачено представление о должном относительно человеческой природы, обоснование морали стало принципиально иным. Это отчетливо проявилось в политической и моральной философии Руссо и Канта:

«Абстракция “всеобщей воли” в политической философии Руссо заняла место методологического и мировоззренческого конструкта всей новоевропейской религиозной и светской философии — “человеческой природы”. Этот парадокс политической философии Руссо выступил в качестве фундаментальной и революционной идеи и нашел свое первоначальное воплощение в Кантовой теории морали. Согласно Канту, главным критерием положительного значения моральных императивов является позитивный ответ на вопрос: могут ли они быть принципами всеобщего законодательства? И уже тот факт, что они выступают в рациональной или всеобщей форме, говорит в пользу их положительности. Законы морали, подобно законам свободы, не могут пониматься как естественные законы. Моральные и политические законы, в отличие от правовых установлений, могут быть сформулированы без всяких ссылок на человеческую природу»¹⁹.

Иными словами, никакой морали, предшествующей общественному договору и политике, не существует. Поэтому с течением времени уже не религия, а политика в виде различных версий политической философии и идеологии стала определять общественную мораль. С Вестфальского мира этот процесс только нарастал. Уже сам тезис о религиозной терпимости был чисто политическим, однако именно он лег в основу позднейшего либерального консенсуса и предопределил важнейшие черты морального поведения. Теперь стало неприемлемо ненавидеть другого всего лишь за его религиозные убеждения. В дальнейшем социалистические теории и практики социального государства внесли новый существенный корректив в общественную мораль: малоимущие перестали быть изгоями, к ним уже нельзя было относиться как к людям второго сорта. Такому же моральному эффекту способствовало распространение политических прав на всё более широкие слои населения, уравнивание в правах женщин, национальных меньшинств и т.д. Огромный внешний стимул в виде Великой Октябрьской революции только усилил эти реморализующие практи-

¹ Шалин В.В. Толерантность (культурная норма и политическая необходимость). С. 83.

ки, которые были, в сущности, эффективным ответом «внешней среды», сопротивляющейся КМС.

Суть всех видов политической реморализации заключалась в том, чтобы дать идейную основу общественной морали. Причем эта идейная основа должна была не разрушить КМС, а хотя бы отчасти оправдать ее в глазах «внешней среды», которую она все-таки продолжала разрушать.

Жиль Дове удачно выразился по этому поводу:

«Чисто капиталистического общества, интегрального и единого, нет и никогда не будет. С одной стороны, капитал не создает ничего из ничего, он изменяет живые существа, рожденные вне его (крестьяне, переселяющиеся в города, мелкобуржуазные деклассированные элементы, иммигранты), и взаимоотношения между ними, но что-то из прежней социальности всегда остается, хотя бы в виде ностальгии. С другой стороны, само функционирование капитала негармонично: он не сдерживает обещаний построить мир грёз с рекламы и вызывает реакцию, возврат к традиционным ценностям, представляющим в глобальном масштабе как семейные. ...Наконец, будучи обязанным управлять, ограничивать и запугивать своих наемных трудящихся, капитал должен непрерывно вновь вводить ценности, поддерживающие власть и подчинение, которые на современном этапе устарели: отсюда постоянное использование старой идеологии в комбинации с новой»²⁰.

Ценности и идеология

Если мы полагаем, что «ценности, поддерживающие власть и подчинение», в пределах длительного исторического периода в общем не меняются (хотя оттенки понимания существенны), то получается, что убедительность в разные времена им придает разное обоснование. Предполагая, что шкала ценностей примерно одна, а политические взгляды разные, нетрудно заключить, что политические убеждения нередко противоречат ценностям. Из политических убеждений не вытекают соответствующие ценности. Этот факт часто игнорируется или затушевывается, что, собственно, и порождает «идеологию» или «пиар».

Иными словами, «идеология» и «пиар» — это когда людей убеждают в том, что их ценности вытекают из такой политической философии, которая в действительности их исключает. Идеологическая борьба именно в том и состоит, чтобы доказать противнику, что его ценности не присущи его идеологии (политическому мифу, философии и т.д.), а присущи твоей идеологии. Сила социализма была как

¹ Дове Ж. За мир без морали // <http://www.avtonom.org/lib/theory/dove/morality.html>.

раз в его сравнительно большей этической убедительности, правдивости: он больше соответствовал базовым ценностям христианской цивилизации. При этом надо отметить, что сами по себе ценности не составляют ни систему морали, ни тем более «национальную идею». Их составляют способы обоснования — ответы на вопрос: «Почему это хорошо, а это плохо?», то есть почему эта практика противоречит или не противоречит базовым ценностям.

В то же время именно способы обоснования создают социальные практики и политические институты: из одной философии вырастет американская демократия, из другой советский социализм, из третьей германский фашизм, из четвертой иранский фундаментализм и т.д. Отказ от тех или иных способов обоснования может расцениваться как отказ от ценностей и попытка выработки новых ценностей.

Однако если общечеловеческих ценностей нет, тогда моральный импульс, лежащий в основе любой политической философии, тотально неубедителен. Он не является понятным посланием для оппонентов. Нет основы для диалога: есть их мораль и мораль наша, есть друзья и враги, вечная война.

Понятно, что общечеловеческие ценности не могут быть эгоистическими, они в той или иной мере всеобщие. Об этом свидетельствует социальная практика и традиционная мораль всех цивилизованных народов, в том числе и входящих в КМС.

В условиях обострения морального коллапса главным вопросом для каждого является следующий: почему я все еще продолжаю поступать морально, если не могу больше найти этому убедительного обоснования? Переход от этого вопроса к политическому действию подразумевает поиск теоретического обоснования, пригодного не только для меня, но и для остальных.

4. Идеологии как борьба за моральное преимущество: капитализм, христианство, социализм

Можно утверждать, что борьба между системами политических убеждений, политическими течениями (в целом — политическая борьба) — это борьба за моральное преимущество (или даже превосходство). Морализаторство вовсе не монополия правых, хотя так нередко кажется, скорее это вынужденный ответ правых на мощный моральный вызов слева. «Сущностное, цивилизационное различие между капитализмом и социализмом лежит не в сфере производства или пе-